

Тема номера «(Пост)колониальные антропологии Центральной Евразии».

Отв. ред. С.Н. Абашин.

© Сергей Абашин

БЫЛ ЛИ РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФ В СРЕДНЕЙ АЗИИ КОЛОНИЗАТОРОМ?

Ключевые слова: этнография, колониализм, Средняя Азия, Хорезмская экспедиция

В эссе я задаюсь следующим вопросом: почему российская этнография, в отличие от европейской или американской антропологии, совершенно не готова проблематизировать свои истоки и свой статус как колониального и постколониального знания? Рассматривая примеры В.П. Наливкина и Хорезмской экспедиции, я аргументирую, что неактуальность (пост)колониальной самокритики в российской этнографии оказывается результатом радикального деколонизационного жеста отстранения от «запада», в том числе его травм, и последующих попыток построить свой собственный самодостаточный и изолированный универсализирующий этнографический язык. В этой концептуальной логике симпатия и сочувствие этнографов к «объектам» своего исследования не требовала осуждения своих колониальных корней и своей (пост)колониальной роли, и в какой-то момент стала даже цензурировать такой взгляд.

В своем эссе я задаюсь следующим вопросом: почему российская этнография, в отличие от своей европейской или американской двоюродной сестры антропологии, совершенно не готова проблематизировать свои истоки и свой статус как колониального и постколониального знания?

Конечно, свое колониальное прошлое и постколониальное недавнее/нынешнее настоящее – это тема, которая мало волнует вообще российское общество, его политиков, экспертов, писателей, художников, популярных медийных фигур, социальных ученых и гуманитариев разных дисциплин. Хотя марксистская критика колониализма была широко представлена в советское время, но начиная с позднесталинского времени она стала постепенно подвергаться ревизии в духе прославления особенности и преемственности имперской российской истории и стала больше обращаться не к себе, а к капиталистическому «западному» другому. Распад СССР не сломал, а скорее продолжил эту сложившуюся тенденцию. Вхождение в капиталистический мир, где доминирующие позиции занимает Европа и Америка с Китаем, только обострило ощущение своей альтернативности, непохожести на «запад», но переведя ее из языка социалистической

Абашин Сергей, д.и.н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге. s-abashin@mail.ru.
<http://orcid.org/0000-0002-4873-1596>

Для цитирования: Абашин С., Был ли российский этнограф в Средней Азии колонизатором? // Антропологии/Anthropologies. 2022. No 1. С. 5-12. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/5-12>

универсальности в язык «российской/русской цивилизации». На русский язык были, конечно, переведены две книги Саида «Ориентализм» и «Культура и империализм» (Саид 2016; Саид 2012), несколько статей и эссе Спивак (2001), Бхабхи (2005; 2020), Фанона (2003; 2020), Мбембе (2020) и некоторых других теоретиков постколониальной теории и деколониального подхода. Стоит упомянуть также оригинальные работы на русском языке Мадины Тлостановой (2009; 2020) и Александра Эткинды (2013). Но эти труды и доступ к иноязычной (пост)колониальной литературе не сделали их концептуальный язык в русской версии таким же влиятельным, как в остальном мире, значительной частью российской науки и интеллектуального сообщества он категорически отвергается и даже рассматривается как антинаучный и подрывающий.

Такой консенсусный отказ от (пост)колониальной оптики связан, видимо, с рядом причин. Прежде всего это собственное самосознание России как другого по отношению к воображаемому «западу», которое имеет длительную генеалогию из «Москва – Третий Рим» к «социалистической стране в капиталистическом окружении». Постоянное сравнение с «западом» и отталкивание его от себя (себя от него) порождает и воспроизводит в интеллектуальной традиции странную смесь чувства своего превосходства вместе с чувством униженности и второсортности. В этой рамке российский гуманитарий скорее будет рассматривать себя колонизованным субъектом, чем колонизатором. Неслучайно и даже по-своему иронично, что именно таким образом интерпретировал перевод саидовского «Ориентализма» русский националист покойный Константин Крылов. Однако если писать историю и современность не в терминах внешнего подавления, а в терминах своего успешного противостояния ему, то (пост)колониальный язык становится ненужным в такой альтернативной/сопротивляющейся/самоутверждающейся логике; наоборот, этот язык выглядит как продолжение «западного» влияния, а борьба с ним – как отстаивание самости.

Этого общего объяснения в принципе достаточно, чтобы понять (не)озабоченности российских этнографов, которые реагируют на запросы или на их отсутствие в информационной и интеллектуальной среде. Однако интуитивно мы ожидаем от этнографов другой позиции, и ее отсутствие удивляет. Это удивление связано, во-первых, с тем, что этнография/антропология больше, может быть, чем все остальные социальные и гуманитарные науки, чувствительны и знакомы с положением и мнением разного рода меньшинств и имперских периферий, им виднее, как имперские и глобальные метрополии разрушают и ассимилируют эти меньшинства/периферии, им больше знакомо маргинализированное отчаяние изучаемых групп и сообществ, которое можно было бы описать в (пост)колониальных терминах. Во-вторых, этнография, может быть, одна из тех маленьких научных дисциплин в России, которая настаивает на своей тесной родственной связи с большой европейской и американской антропологией, считает их классиков своими классиками и стремится вписаться в эту традицию и найти через это легитимацию своей нужности и важности.

Об этом парадоксе российской этнографии я хочу сказать чуть подробнее. В фокусе моего внимания будет не вся дисциплина, а только та ее часть, которая связана с изучением Средней Азии. Такой выбор показателен, на мой взгляд, тем фактом, что именно Средняя Азия обычно приводится историками как типичный пример колонии Российской империи, вполне сопоставимый с колониями Британии или Франции, и как пример подчиненного, с полуколониальными чертами, региона внутри Советского Союза (Горшенина 2007; Адамс 2009). Нынешний статус стран Средней Азии по отношению к Российской Федерации тоже имеет зависимый характер, а массовая трудовая миграция с ответной ксенофобией и дискриминацией делает ситуацию почти неотличимой от постколониальной Европы.

Завоевание Средней Азии во второй половине 19 века совпало со становлением и институционализацией современной науки, в том числе этнографии. Большинство этнографических текстов о регионе тогда было написано военными чиновниками или при финансировании и поддержке Военного министерства, в ведении которого находились все дела новой окраины, причем часто разведывательные их цели не скрывались и в общем воспринимались как нормальные. Описание культурных привычек, психологических черт и анатомических измерений, проводимых в том числе и на убитых в боях противниках, было стандартным добавлением к подробному картографированию границ и путей сообщения, политического устройства и конфликтов, налогов и военной мощи. Авторы текстов могли давать разные интерпретации тех или иных фактов, могли спорить друг с другом и даже не соглашаться с действиями чиновников, но весь этот корпус создаваемых знаний был следствием завоевания и служил этому завоеванию, служил задачам власти узнать, понять и поставить под контроль новый регион (*Халид* 2005; *Найт* 2005). Это то, что без сомнений можно было бы назвать «концептуальным завоеванием» или «концептуальным колониализмом», который Эдвард Саид описывал как «ориентализм», одним из строителей которого был этнограф с ружьем.

Тем не менее, в этой очевидной вроде бы колониальной картине мы можем увидеть и какие-то поразительные особенности. Один из самых, пожалуй, известных этнографических трудов о Средней Азии в XIX веке написал военный чиновник, участвовавший в завоевании и управлении региона, Владимир Наливкин. Труд назывался «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» и соавтором в его написании была его супруга Мария Наливкина (*Абашин и др.* 2015). Поразительным здесь является то, что написанный как колониальный обзор/энциклопедия местной жизни, этот текст содержал в себе антиориенталистский образ женщины-мусульманки как живого и активного субъекта среднеазиатского общества вместо угнетенной, требующей колониального вмешательства, фигуры. Сам Наливкин проделал сложный политической и жизненный путь от колонизатора с прогрессистскими и чуть ли не народническими убеждениями к социалисту и яростному разоблачителю империи, даже успел поучаствовать, хотя и с трагическим концом, в строительстве постимперской Средней Азии (*Абашин* 2015).

Связь этнографии с колониализмом даже в имперское время не была, таким образом, полным отождествлением. Знание создавало возможность другой антиколониальной критической траектории. Однако эту траекторию мы видим, когда принимаем и признаём колониальную рамку для анализа.

Не менее и даже более сложным является вопрос о советском времени. Историки спорят, можно ли его описывать как колониальное или постколониальное или вообще нужно отказаться от этих терминов. Своеобразие советского строя налицо, и оно с трудом запикивается в колониальную концепцию, но налицо также внутренние в этом обществе диспропорции и формы подчинения между разными регионами, республиками и группами населения, которые требуют какого-то своего обозначения и названия (*Khalid* 2007; *Абашин* 2016). А если мы все же признаём эти диспропорции и формы подчинения, называя их (пост)колониальностью или как-то еще, то каким мы видим место и роль этнографии в таком ракурсе?

В XX веке в какой-то момент Средняя Азия оказалась в самом центре всего советского проекта этнографии. Директор Института этнографии Сергей Толстов в 1940–1950-е годы, когда он обладал огромной академической и идеологической властью, сумел добиться от власти финансирования Хорезмской экспедиции, которая превратилась в основное поле и инструмент научной социализации, через которые проходили новые поколения этнографов. Экспедиция

была гигантским предприятием для доказательства идеологической состоятельности и преимуществ советского строя, способного создать свою собственную символическую карту Средней Азии (Аржанцева 2013). Это предприятие было также увязано с идеей экономического освоения Средней Азии и превращения ее в новый сырьевой (например, хлопковый) комплекс для социалистической промышленности. Вряд ли случайным можно считать появление в 1950 г. постановления Совета Министров СССР о строительстве «Главного Туркменского канала» (Obertreis 2017). Оно было явно инспирировано в том числе и историческими экскурсами Толстова в историю Хорезма.

При этом сами этнографы понимали эту свою цивилизаторскую миссию как освободительную. В воображении Толстова, который был яростным критиком «западного» колониализма, Хорезм является точкой исторической сборки народов СССР в единую общность, где народы должны были стать равными друг другу (Толстов 1947; Алымов 2007). Многочисленные этнографы, которые работали в Хорезмской экспедиции и не только в ней, участвовали не просто в социалистических преобразованиях, но также и в национальном строительстве в Средней Азии, помогали создавать/реконструировать национальные границы, истории и традиции, сохранять и систематизировать обычаи, предания, артефакты, помогали строить академические и просветительские институты, готовить для них местные кадры. Они были не только контролерами из «центра», но и лоббистами местных интересов в самом «центре», они были не только учителями, но и первыми, кто завязывал отношения сотрудничества и дружбы с местными жителями. Мы вправе говорить, что советские этнографы своей работой создавали условия, в которых местные жители Средней Азии могли получить право и возможность иметь свой голос и свое понимание советских трансформаций, т.е. на свою субъектность (Hirsch 2005).

Мы видим, таким образом, опять неоднозначную картину. С одной стороны, допустимо сказать, что советская этнография с ее подробными описаниями местного населения, культуры и истории вполне продолжала имперскую традицию «концептуального подчинения» региона, перенося акцент с военных на экономические задачи. Иерархия между «центром» и «окраинами» по-прежнему была встроена в бюрократические и идеологические структуры, а экономическая прагматика эксплуатация рабочей силы и ресурсов региона сопровождала и даже направляла исследовательский фокус. С другой стороны, с неменьшим основанием мы вправе говорить, что советская этнография раньше, чем эта сделала «западная» антропология, приняла антиколониальный язык и попыталась выстраивать свою версию деколонизации академических исследований, вступать в активный и широкий диалог исследователей из разных республик и регионов. Идеологическое и экономическое принуждение в такой конфигурации понималось и использовалось в том числе и для социальной эмансипации и даже позитивной дискриминации прежде маргинальных и ущемленных групп, хотя, конечно, не всегда в достаточной мере, как могли бы желать и рассчитывать сами эти группы.

Этой неоднозначностью объясняется, видимо, неактуальность (пост)колониальной самокритики в советской этнографии. Она оказывается результатом, как ни странно, радикального деколонизационного жеста отстранения от «запада», в том числе его травм, и последующих попыток построить свой собственный самодостаточный и изолированный универсализирующий этнографический язык, отсылающий к этногенезу, этносам и этносоциальным процессам. В этой концептуальной логике все изучаемые процессы мыслились в большом историческом масштабе, в длительной преемственности, как укорененные (онтологические и чуть ли не биологические), естественные и саморазвивающиеся, изнутри этого языка колониализму или постколониализму не оставалось места. Симпатия, сочувствие, эмпатия этнографии

к «объектам» своего исследования не требовала осуждения своих колониальных корней и своей (пост)колониальной роли, и в какой-то момент стала даже цензурировать такой взгляд.

Постсоветское же время, однако, заново переопределяет отношение к советской неоднозначности. Это происходит не только потому, что герметичность концептуального языка советской этнографии разрушается и больше не вызывает доверия, а значит, теперь, выйдя за пределы этого языка, мы можем увидеть неравенства и конфликты не только в имперское, но и в советское время. Но еще и в самом российском обществе сегодня происходят тектонические сдвиги как на политическом или экономическом, так и дискурсивном уровнях. После распада СССР, даже уже накануне этого распада, Средняя Азия превратилась из «своего» в ориентализированного «другого», по отношению к которому выстраиваются проекты нового подчинения или, напротив, отдаления. В качестве самостоятельной области исследований сформировалась «проблема миграции», где это противопоставление и отчуждение среднеазиатских мигрантов умножилось разного рода эффектами методологического национализма (*Wimmer, Schiller 2002; Бредникова, Абашии 2021*). Эти новые темы и проблемы заставляют теперь увидеть советскую историю под углом зрения того, к чему пришла нынешняя Средняя Азия, что она наследовала из своей советской родословной: освободительную линию эмансипации или же какую-то линию (нео)колониального подчинения, которая в итоге оказалась главной, хотя и была менее видна современникам. Наконец, еще одним фактором в современной ситуации является появление собеседников и конкурентов в лице «западных» (в число которых входят исследователи из Японии и Мексики, а не только Европы и Северной Америки) антропологов, которые разрушают российскую исследовательскую монополию и становятся главными антропологическими ньюсмейкерами в среднеазиатском знании. Сегодня российская этнография ничего не может противопоставить «западной» академической повестке, по крайней мере в Средней Азии или по поводу Средней Азии, но она пока не в состоянии и полностью принять ее, заменяя чувство периферийности/вторичности ностальгией и ресентиментом по своим былым реальным и мифологизированным заслугам, в которых не может быть места колониальной теме.

Вопрос о (пост)колониальности российской этнографии, на мой взгляд, превратился в этих новых условиях в вопрос ее собственной дисциплинарной идентичности, в вопрос, каким видит этнографическое сообщество России свое нынешнее место в глобальной науке. Кто же такой сегодня российский этнограф, который изучает Среднюю Азию? Какую миссию он несет и для кого? Он по-прежнему помогает эмансипации и появлению собственной субъектности в регионе, осмысляемой то ли в контрасте к советской истории, то ли к новой «западной» гегемонии? Или он мыслит себя проводником интересов России в ее отношениях со странами Средней Азии и объясняет в заявках на государственные гранты, как нужно России понять, что происходит в ее южном, как когда-то выразился Солженицын, «подбрюшье»? Или же он видит себя частичкой глобальной антропологии и пытается переформулировать свои исследовательские задачи, ориентируясь на язык и моды «западной» науки, которая обладает на сегодня правом считаться универсальной? Или он сам чувствует себя подчиненным и колонизованным «западом» и мечтает о более комфортной самоизоляции по советскому образцу?

Научная литература

- Абашин С. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» // Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды / Ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, В.О. Бобровников, Т.В. Котюкова, Е.И. Ларина, Н.С. Терлецкий. М.: Издательский дом Марджани, 2015. С. 17–63.
- Абашин С. Советское=колониальное? (За и против) // Понятия о советском в Центральной Азии. Альманах Штаба № 2 / Ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 28–48.
- Абашин С.Н., Арапов, Д.Ю., Бобровников В.О., Котюкова Т.В., Ларина Е.И., Терлецкий Н.С. (Ред.). Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М.: Издательский дом Марджани, 2015.
- Адамс Л. Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 25–36.
- Альмов С.С. На пути к «древней истории народов СССР»: малоизвестные страницы научной биографии С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 125–166.
- Аржанцева И.А. Имперская археология и археологические империи: советская Хорезмская археологическая экспедиция // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 65–87.
- Баба Х. Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса / Пер. с англ. Дмитрия Тимофеева // Новое литературное обозрение. 2020. №1. С. 29–37.
- Бредникова О., Абашин С. (Ред.) «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальностью. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. 2005. № 3–4. С. 161–192.
- Горшенина С. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований // Ab Imperio. 2007. № 2. С. 209–258.
- Мбембе А. Эстетика вульгарности // Новое литературное обозрение. 2020. № 2. С. 22–57.
- Найт Н. О русском ориентализме (ответ Адибу Халиду) // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / Ред. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. С. 324–344.
- Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды / Ред. С.Н. Абашин и др. М.: Изд. Дом. Марджани, 2015.
- Саид Э.В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2016.
- Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 649–670.
- Тлостанова М. Деколониальность бытия, знания и ощущения. Алматы: Целинный, 2020.
- Тлостанова М. Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: Маска, 2009.
- Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Фанон Ф. Отрывки из книги «Весь мир голодных и рабов» // Антология современного анархизма и левого радикализма. М.: Ультра. Культура, 2003. Т. 2. С. 15–78.
- Фанон Ф. Черная кожа, белые маски (пер. с франц. Дмитрия Тимофеева) // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 9–28.
- Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет / Ред. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 311–323.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.
- Khalid A. “The Soviet Union as an Imperial Formation: A View from Central Asia,” in *Imperial Formations*, ed. Ann Stoler, Carole McGranahan, and Peter Perdue. Santa Fe: School of Advanced Research Press, 2007. Pp. 123–151.
- Obertreis J. *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017.
- Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2002. No 2 (4). Pp. 301–334.

Research Article

Abashin, S. Was a Russian Ethnographer in Central Asia a Colonizer? [Byl li rossiiskii etnograf v Srednei Azii kolonizatorom?]. *Anthropologies*, 2022, no 1, pp. 5-12, doi 10.33876/2782-3423/2022-1/5-12

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Abashin | <http://orcid.org/0000-0002-4873-1596> | s-abashin@mail.ru | European University in Saint-Petersburg.

Keywords

ethnography, colonialism, Central Asia, the Khoresm expedition

Abstract

In the essay, I ask myself the following question: why is Russian ethnography, unlike European or American anthropology, completely unprepared to problematize its origins and its status as colonial and postcolonial knowledge? Considering the examples of V.P. Nalivkin and the Khorezm expedition, I argue that the irrelevance of (post) colonial self-criticism in Russian ethnography is the result of its radical de-colonizing detachment from the “West”, including its traumas, and subsequent attempts to build its own self-sufficient and isolationist universalizing ethnographic language. In this conceptual logic, ethnographers’ sympathy and empathy for the «objects» of their research did not require condemnation of their colonial roots and their (post)colonial role, and at some point even began to censor such a view.

References

- Abashin, S. 2015. V.P. Nalivkin: «...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt’; i to, chto neizbezhno dolzhno byt’, uzhe ne mozhet ne byt’...» [V.P. Nalivkin: What Will Be, Will Inevitably Be, What Must Be, Cannot But Be]. In S.N. Abashin, D.Iu. Arapov, V.O. Bobrovnikov, T.V. Kotiukova, E.I. Larina, N.S. Terletskii (eds.) *Polveka v Turkestane. V.P. Nalivkin: bio-grafiia, dokumenty, Trudy* [Half a Century in Turkestan. V.P. Nalivkin: Biography, Documents, Works]. Moscow: Izdatel’skii dom Mardzhani, 17–63.
- Abashin, S. 2016. Sovetskoe=kolonial’noe? (Za i protiv) [Soviet Equals Colonial? Pro and Contra]. In Mamedov, O. Shatalova (eds.) *Poniatiia o sovetskom v Tsen-tral’noi Azii. Al’manakh Shtaba № 2* [Concepts of the Soviet in Central Asia. Headquarters Almanac 2]. Bishkek: Shtab-Press, 2016, 28–48.
- Abashin, S.N., et al. 2015. *Polveka v Turkestane. V.P. Nalivkin: biografiia, dokumenty, trudy* [Half a Century in Turkestan. V.P. Nalivkin: Biography, Documents, Works]. Moscow: Izd. Dom Mardzhani.
- Adams, L. 2009. Primenima li kolonial’naia teoriia k Tsentral’noi Evrazii? [Is Colonial Theory Applicable to Central Asia?]. *Neprikosnovennyi zapas*, 4: 25–36.
- Alymov, S.S. 2007. Na puti k «drevnei istorii narodov SSSR’: maloizvestnye stranitsy nauchnoi biografii S.P. Tolstova [On the Way to the “Ancient History of the Peoples of the USSR: Little-known Pages of the Intellectual Biography of S.P. Tolstov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 125–166.
- Arzhantseva, I.A. 2013. Imperskaia arkheologiia i arkheologicheskie imperii: sovetskaia Khorezmskaia arkheologicheskaia ekspeditsiia [Imperial Archaeology and Archaeological Empires: Soviet Khorezm Archaeological Expedition], *Etnograficheskoe obozrenie*, 4: 65–87.

- Bhabha, H. 2005. Mestonakhozhdenie kul'tury [The Location of Culture], *Perekrestki*, 3–4: 161–192.
- Bhabha, H. 2020. Mimikriia i chelovek. Dvoistvennost' kolonial'nogo diskursa [Of Mimicry and Man. The Duality of Postcolonial Discourse]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1: 29–37.
- Brednikova, O., Abashin, S. (eds.) 2021. *Zhit' v dvukh mirakh': pereosmysliaia transnatsionalizm i translokal'nost'* [Living in Two World: Rethinking Transnationalism and Translocality]. Moscow: NLO.
- Etkind, A. 2013. *Vnutrennaia kolonizatsiia. Imperskii opyt Rossii* [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]. Moscow: NLO.
- Fanon, F. 2003. Otryvki iz knigi "Ves' mir golodnykh i rabov" [Excerpts from "The Wretched of the Earth"]. In *Antologiiia sovremennogo anarkhizma i levogo radikalizma* [Anthology of Modern Anarchism and Left Radicalism]. Vol. 2. Moscow: Ultra. Kul'tura, 15–78.
- Fanon, F. 2020. Chernaia kozha, belye maski [Black Skin, White Masks]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1: 9–28.
- Gorshenina, S. 2007. Izvechna li marginal'nost' russkogo kolonial'nogo Turkestana, ili Voidet li postsovetskaia Sredniaia Aziia v oblast' post-issledovaniia [Is the Marginality of Russian Colonial Turkestan Perennial, or Will Post-Soviet Central Asia Enter the Field of Post-Studies], *Ab Imperio*, 2: 209–258.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Khalid, A. 2005. Rossiiskaia istoriia i spor ob orientalizme [Russian History and the Orientalism Debate]. In P. Vert, P. Kabytov, A. Miller (eds.) *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii: Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography: Recent Works]. Moscow: NLO, 311–323.
- Khalid, A. 2007. The Soviet Union as an Imperial Formation: A View from Central Asia. In *Imperial Formations*, ed. Ann Stoler, Carole McGranahan, and Peter Perdue, 123–151. Santa Fe: School of Advanced Research Press.
- Mbembe, A. 2020. Estetika vul'garnosti [The Aesthetics of Vulgarity]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2: 22–57.
- Nait, N. 2005. O russkom orientalizme (otvet Adibu Khalidu) [About Russian Orientalism (a Reply to Adeb Khalid)]. In P. Vert, P. Kabytov, A. Miller (eds.) *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii: Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography: Recent Works]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 324–344.
- Obertreis, J. 2017. *Imperial Desert Dreams. Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Said, E. 2012. *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Said, E. 2016. *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. Saint-Petersburg: Russkii Mir.
- Spivak, G.Ch. 2001. Mogut li ugetennye govorit'? [Can the Subaltern Speak?]. In S.Z. Zhrebkina (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniia. Ch. II: Khrestomatiia* [Introduction into Gender Studies. Part 2: Reader]. Khar'kov: KhTsGI, 2001; Saint-Petersburg: Aleteia, 649–670.
- Tlostanova, M. 2009. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii* [Decolonial Gender Epistemologies]. Moscow: Maska.
- Tlostanova, M. 2020. *Dekolonial'nost' bytiia, znaniia i oshchushcheniia* [Decoloniality of Being, Knowledge, and Sense]. Almaty: Tselinnyi.
- Tolstov, S.P. 1947. Sovetskaia shkola v etnografii [Soviet School of Ethnography], *Sovetskaia etnografiia*, 4: 8–28.
- Wimmer, A., Glick Schiller, N. 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences, *Global Networks*, 2, 4: 301–334.